

Severikova, Nina Michajlovna

Назначение человека - "делать добро" : к 150-летию Толкового словаря В.И. Даля

Новая русистика. 2014, vol. 7, iss. 2, pp. [7]-22

ISSN 1803-4950 (print); ISSN 2336-4564 (online)

Stable URL (handle): <https://hdl.handle.net/11222.digilib/131997>

Access Date: 01. 12. 2024

Version: 20220831

Terms of use: Digital Library of the Faculty of Arts, Masaryk University provides access to digitized documents strictly for personal use, unless otherwise specified.

Нина Михайловна СЕВЕРИКОВА
(Москва)

Назначение человека — «делать добро». К 150-летию Толкового словаря В. И. Даля

The Mission of Man – “To Do Good”. On the 150 Anniversary of V. I. Dal’s Monolingual Dictionary

Universalism of knowledge, versatile activities of V. I. Dal. Making “The Dictionary” was an exploit to the glory of Russian nation. Language of a nation is a result of huge historical experience in which national culture was developed; it’s a source of national language’s evolution on the national basis. Knowing Russian reality, skill of interpreting of philosophical and political concepts from public point of view. Language wealth collected by Dal is a picture of conscience and national morality, this work doesn’t have analogs in history. Education of truthful, honest and thinking of “global benefit” Person.

Key words: selfless service to Russian nation; fight for Russian language; knowing of national ideology; Dal’s civic courage in concept definition; Dal’s heirs

Владимир Иванович Даль (1801–1872) — это целая эпоха в истории русского языка. И не только! Как автор «Толкового словаря живого великорусского языка» он вошел и в историю России. Его полувековой труд можно с полным правом назвать подвигом, совершенным во славу русского народа. А. М. Горький утверждал, что у Даля можно учиться и воспитанию патриотизма, и стремлению сохранить народные промыслы, и борьбе за великий русский язык — то есть всему, что составляет основу русского национального характера. Эта оценка соотносится с принципом, сформулированным самим Далем: о человеке судить можно лишь «по делам глядя». Горький в творчестве Даля отмечает главное — дей-

ственную, осмысленную любовь к родине, к многострадальному, трудолюбивому русскому народу. О глубоком постижении Далем души «простого человека» восторженно говорил В. Белинский: «Как хорошо знает он его натуру! Он умеет мыслить его головой, видеть его глазами, говорить его языком» [BELINSKI] 1976–1982, 514].

Даля знала вся читающая Россия. О его сочинениях, подписанных псевдонимом Казак Луганский, с добрым, теплым чувством отзывался Н. В. Гоголь: «Все у него правда... Каждая его строчка меня учит и вразумляет» [GOGOL' 1953, 190–191]. Однако бесспорную славу России принес его знаменитый Словарь, созданный неустанным трудом патриота и гражданина, знавшего в своей жизни «одну, но пламенную страсть» — бескорыстное служение родному народу. Словарь Даля, выдающийся памятник русской национальной культуры, уже полтора века служит людям.

Две трети жизни отдал Даль своему детищу, собирая по крупице несметные сокровища — слова, в которых «не меньше жизни, чем в человеке»: только словом, идущим из самого сердца, можно тронуть душу человека. Работа по составлению словаря столь огромна, что, кажется, одной человеческой жизни на неё может не хватить — недаром и ныне словарями занимаются целые институты! Даль же, этот исключительно талантливый, высокообразованный, неутомимый в работе человек, сделал главное дело своей жизни — дал русскому народу словарь языка, в котором отразился, как в зеркале, великий, могучий, щедрый и бескорыстный русский характер.

Еще в детстве выразив желание «искать слова», он искал их всю сознательную жизнь, начиная с учения в Морском корпусе. Дневниковые записи в то время были отдыхом от сурового казарменного режима с его муштрой, зуботычинами и розгами, и уже в Морском корпусе Даль прослыл сочинителем. Интересен факт: в архивах Всероссийской (бывшей Ленинской) библиотеки хранится 57-страничный дневник гардемарина Даля, подробно описавшего свое участие в четырехмесячной кампании на бриге «Феникс» с заходом в Швецию и Данию, откуда родом был его отец. «Ступив на берег Дании, я на первых же порах окончательно убедился, что отечество моё Россия, что нет у меня ничего общего с отчизною моих предков». И самое примечательной в жизни Даля: не имея лингвистического образования, он превзошел многих ученых-лингвистов, вложив полувековой труд в создание словаря, для составления которого, как говорил Андрей Печерский¹, первый биограф Даля, «потребовалась бы целая академия и целое столетие».

1 Андрей Печерский — псевдоним писателя Павла Ивановича Мельникова (при публикации — Мельников-Печерский).

В послужном списке этого великого человека значится: мичман, блестяще закончивший в 17 лет петербургский Морской корпус, потом офицер Черноморского флота, далее — студент-«медик» Дерптского университета, затем врач; позже — чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Оренбурга; начальник особой канцелярии Министерства иностранных дел; управляющий Удельной конторой в Нижнем Новгороде и, наконец, действительный статский советник в отставке.

В жизни Даля случались и «досадные эпизоды». Так, за эпиграмму на командующего Черноморским флотом А. С. Грейга в 1823 году Даль был арестован и предан суду. И талантливый юноша, стремившийся к полезной деятельности, расставшись с морской службой, везде оказался лишним: «Высоки пороги на мои ноги», — говорил он во время неудавшихся поисков работы. Нужно было переучиваться.

В Дерптском университете его увлечение физикой увенчалось двукратным присуждением серебряных медалей; кроме того, он стал блестящим латинистом. Однако предпочтение отдал медицине: она более всего привлекала Даля своими благородными целями. Даль в совершенстве овладел искусством хирургии. А впоследствии, уже будучи ординатором Петербургского военно-сухопутного госпиталя, Даль стал медицинской знаменитостью Петербурга в области офтальмологии. Удивительным было его страстное стремление к познаниям, а еще удивительнее — дружба с будущим декабристом Д. Завалишиным, флотоводцем П. Нахимовым, с прославленным хирургом Н. Пироговым, со знаменитым В. Жуковским. Но счастливые студенческие годы закончились внезапно: досрочно возведенный в «докторское достоинство», Даль оказался на Балканах — шла война с Турцией. Вскоре по прибытии в действующую армию Даль включился в работу по спасению раненых: «резал, перевязывал, вынимал пули». Огромный опыт, приобретенный на войне, пригодился Далю в Петербургском военно-сухопутном госпитале, где единственным спасением больного чаще всего становилась быстрота искусного хирурга. О Дале говорили: «Еще бы ему медленно оперировать, когда у него две правые руки». Кстати, Даль проявлял свой талант не только в медицине, но и в инженерном искусстве.

В 1829 году Даль участвовал в освобождении от турецкой оккупации болгарского города Сливно русскими казаками, ворвавшимися, как смерч, в неприятельский стан, и искренне радовался обоюдной дружбе жителей города и победителей-казakov.

Солдаты полюбили своего лекаря. Среди них были «жители всей земли Русской», и Даль записывал впервые услышанные им слова разговорного языка, включая разноголосицу бесчисленных диалектов. Все эти годы он не расставался с тетрадью. Даже сидя у солдатского костра и слушая историю жизни солдата, непременно записывал то пословицу, то

слово; поговору он теперь легко отличает выходцев из разных российских губерний. Таких тетрадей у него скопился целый тюк. Однажды к туркам попал верблюд, возивший бумаги Даля, но через две недели верблюда удалось отбить — какая это была радость для всех!

По разносторонности интересов, знаний, способностей и дарований Даля можно сравнить разве что с человеком эпохи Возрождения. Он мог, умел и любил делать всё: наводить под огнем противника мост для переправы войск, писать сказки и создавать учебники по естественным наукам, мастерить мебель, оперировать больных, сочинять пьесы, заниматься этнографией, историей, статистикой, археологией, благоустройством городов и многими другими не менее важными делами, считая, что назначение человека — «делать добро».

Подвижническая жизнь Даля свела его с замечательными людьми: полководцами, писателями, художниками, поэтами... И с Пушкиным, которому подарил свою первую книгу — «Русские сказки», а потом встретился в Оренбурге; и неотлучно находился у смертного ложа гения русской литературы до его последнего часа... Таким был Даль.

Когда труд его жизни — Словарь — спустя полвека увидел свет, можно было ожидать, каким ликованием просвещенного общества — академиков, ученых, писателей — будет встречено его появление. Увы! Ожидания оказались напрасными. Отмечая огромное значение вклада В. И. Даля во славу русской культуры, академик М. П. Погодин на заседании Императорской академии наук в 1863 году сделал заявление, для присутствовавших довольно неожиданное: «Словарь Даля закончен. Теперь русская академия без Даля немыслима. Но вакантных мест ординарного академика нет. Предлагаю всем нам, академикам, бросить жребий, кому выйти из академии вон, и упразднившееся место предоставить Дально. Выбывший займет первую, как откроется, вакансию». Однако желающих «выйти вон» не нашлось.

Представители кафедральной науки также не спешили с признанием свершившегося события. Писатель П. И. Мельников-Печерский с огорчением констатировал: «Хоть бы слово в каком-нибудь журнале! Ни один университет не выразил своего уважения к монументальному труду, не почтил составителя [...] хотя бы простым приветом неутомимому труженику, окончившему столь великое дело!»

На все обвинения в том, что Даль якобы стремился повернуть и язык наш, и даже культуру «вспять», Владимир Иванович давал сдержанные пояснения: «Я утверждаю только, что мы должны изучать прямую и простую речь народа» [DAL' 1998, XVIII]. Но необоснованные упреки перекочевывали со страниц одного недоброжелателя Даля на страницы другого. Критики не желали знать, что Даль стремился обогатить литературный язык языком народным. Дружные нападки на Словарь объясняются

просто: «охранительную» критику оскорбляла «любовь» Даля к просто-народью.

И только зарубежные лингвисты проявляли огромный интерес к труду Даля, получавшего письма ученых из Геттингена и Оксфорда, требовавших от издателя Словаря Ю. Самарина «скорейшей высылки последних тетрадей». Газеты писали об интересных разборах ботанических и зоологических названий в Словаре, проверенных академиками-специалистами Францем Рупрехтом и Леопольдом Шренком, отметившими полноту и важность этого материала. (А ведь Даль не был ни ботаником, ни зоологом!) Безупречны и морские термины, и медицинские.

Лишь годы спустя Даль отметили наградами: Русское географическое общество удостоило его Золотой медали, Академия наук — Ломоносовской премии и звания почетного академика, а Дерптский университет присудил премию Геймбюргера. Но что же вызывало неприятие Словаря российскими академиками и цензорами? Думается, гражданское мужество Даля, смело звучавшее в определении некоторых понятий. Вот слово *Жизнь*. Здесь в качестве примера Даль приводит следующее высказывание: «В обществе нет жизни, нет движения... Все живут одиноко, сходятся равнодушно». А ведь написал он это не в частном письме — в книге! Или: «*Двигать* — народное движение, волнения, беспокойство»; или: «*Распускать* — управление, порядок и подчиненные распущены, начальство слабо, невзыскательно, никто не повинуется, а делают, что хотят»; или: «*Смертность* — в больницах смертность бывает от 10 до 30 на сто». И таких примеров в Словаре великое множество.

Только у Даля можно «докопаться» до происхождения непонятого даже коренным москвичам слова «*Балчуг* — рыбный торг, привоз, базар». А вот толкование имен: «*Иван* — самое обиходное у нас имя, переименованное из Иоанна; по всей азиатской и турецкой границе нашей, от Дуная, Кубани, Урала и Амура означает русского». Будучи настоящим исследователем, Даль, приводя факты, ищет им научное объяснение. Например, сибиряки спрашивают у собеседника о фамилии: «*Вы чьих?*». Следствием этого, поясняет Даль, «столь обычные в Сибири прозвания: Черных, Сизых, Толстых, Ильиных, Удалых, Кудреватых». И тут же напоминает, что старинные русские фамилии типа *Веселаго*, *Живаго* родились от вопроса: «*Чей ты?*».

Исчерпывающее объяснение дается любому слову, если оно связано с ремеслами или обозначает орудие труда. Вот типичный пример: «*Барка* — общее название сплавных плоскодонных судов для клади; речное грузовое судно грубой постройки на деревянных гвоздях, идущее одну нижнюю пугину по воде, а потом в ломку... Длина барок 8–20 саж., а в разных местностях даны им разные названия...». Далее объяснено, как строятся барки, описывается момент спуска их на воду, и приводятся слова,

которые принято говорить в таких случаях. По существу, описание слова здесь — небольшая статья, в которой хотя и все предельно сжато, а сведений приводится множество. И сведениям этим нет цены: автор знал русскую действительность так, как не знал её ни один ученый-лексикограф.

Вполне применимо к далевскому Словарю его же утверждение, что в слове «не менее жизни, как и в самом человеке»: «*Счастье* — со-частье, доля, пай, ср. рок, судьба, часть, талант, удача, успех, спорина в деле, благоденствие, жизнь без горя. Не может же русский человек быть счастливым в одиночку, ему нужно **УЧАСТИЕ** окружающих, а без этого он не будет **сЧАСТЛИВ**».

Одно из основных достоинств труда В. И. Даля — понимание языка как олицетворения совести и народной морали. Наиболее общие и фундаментальные категории — философские, общественные, политические, моральные — он объясняет с точки зрения народа. Толкование таких понятий, как *воля, война, закон, народ, познание, практика, свобода, творчество, труд, честь* и многих других, у Даля своеобразно. Так, объясняя слово *закон*, веря в его справедливость и силу, Даль характеризует прежде всего исполнителей закона: «Законы святы, да судьи супостаты»; «Не бойся закона, бойся законника»; «Законы миротворцы, да законники крючкотворцы».

[12]

К современному понятию *демократия* Даль приравнивает слова «народовластие», «народоначалие», а «народоправление», «народоправство» связывает с термином *республика*.

Значение слова *честь* — внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, благородство души и чистая совесть — интересно далевским сопровождением, состоявшим из сотен примеров, поговорок и пословиц, многие из которых исполнены глубокого смысла. Еще А. В. Суворов говаривал: «Жизнь Отечеству, честь — никому»; «За совесть и честь хоть голову снести». Некоторые пословицы свидетельствуют о бедственном положении человека с чистой совестью: «Велика честь, да нечего есть»; «Честь к коже не пришьешь»; «Сегодня в чести, завтра свиной пасти».

Слово *добро* означает не только имущество или достаток, движимость, даже стяжание, а приобретает и духовное, нравственное значение — *благо*, то есть все, что честно и полезно, что требует от нас долг человека, гражданина, семьянина. Причем это подтверждается народной оценкой: «От добра худа не бывает»; «За добро злом не платят»; «Худо тому, кто добра не делает никому»; «Добрая слава дороже богатства». Но в этой словарной статье содержится еще более сотни таких же смыслоёмких выражений и около 200 толкований слов с корнем *добр-*.

Словарь Даля — это прежде всего словарь живого языка народа, и при этом он остается лучшим словарем русского языка. В нем 30 тысяч пословиц — это немало! «Было житье — еда и питье; ныне житья — ни еды, ни питья»; самую бедность свою народ оборачивает даже шуткой: «Безденежье — перед деньгами». Эти, далеко не безобидные, выражения собирались в период разгула реакции и нравственного гнета. Пословица «Сказал бы словечко — да волк недалечко» предостерегает об опасности неосторожных высказываний.

Во всех случаях жизни Даль оставался гражданином России. «Только добрый и талантливый народ, — утверждал он, — может сохранять величайшее спокойствие духа и юмор в любых, и самых трудных, обстоятельствах. Пословицы, поговорки, прибаутки, рождаясь в недрах народных масс, говорят о здоровом, могучем организме. А кто еще может так громко, беззаботно и весело смеяться над собственными недостатками? Ну что для такого народа значили бездарные правители, коронованные фельдфебели, когда народ откровенно высмеивал их?» [BESSARAB 1972, 235]. И пословицы, и собственные объяснения слов Даль подбирал так, чтобы полнее показать исконно русские обороты речи — как он выражался, «дух языка». Он объясняет и предметы народного быта, поверья и приметы, связанные с сельскохозяйственным календарем, и разнообразные сведения из этнографии. Подбирая множество синонимов к слову, он дает понять читателю, как безграничны возможности словообразования в русском языке.

1131

Здесь не лишним будет вспомнить, что Словарь Даля издавался не менее 10 раз. Первое издание (1863–1866) насчитывало 200 тысяч слов, из которых 80 тысяч впервые описаны Далем. Остальные 120 тысяч взяты из вышедших ранее словарей²: это составленный под руководством княгини Е. Р. Дашковой, при участии Д. И. Фонвизина, Г. Р. Державина и др., «Словарь Академии Российской 1789–1794 гг.», включающий слова, собранные в путешествиях с указанием местности, где слово было записано — это очень ценное дополнение. Даль пользовался также «Словарем церковнославянского и русского языка» (1847); использованы «Опыт областного великорусского языка» (1852) и «Опыт терминологического словаря...».

2 Словари, использованные В. И. Далем в работе над составлением *Толкового словаря живого великорусского языка: Словарь Академии Российской*. В 6 частях. Санкт-Петербург 1789–1794; *Словарь церковнославянского и русского языка*. В 2 кн. (в 4 т.). Санкт-Петербург 1847; *Опыт областного великорусского языка*. Под ред. А. Х. Востокова. Санкт-Петербург 1852; *Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного*. В 2 т. Санкт-Петербург 1843–1844.

Свой словарь Даль определил как «толковый», считая, что найденное слово нужно объяснять — *толковать*. Отсюда — появление в названии его труда термина «*Толковый словарь*». После кончины Даля вышло второе издание словаря; как и первое, его редактировал академик Петербургской Академии наук Я. К. Грот³, проявивший огромный интерес к труду Даля, особенно к социальному аспекту речевой деятельности. Он дополнил Словарь не только «по рукописи автора», но и внес более 30 страниц из II тома своих «Филологических разысканий». Редактором третьего издания согласился стать член-корреспондент АН, выдающийся лингвист И. А. Бодуэн де Куртенэ⁴. Он работал над словарем около 7 лет: устранил очевидные в этимологическом отношении неточности; внес слова, пропущенные Далем, и включил новые — около 20 тысяч: в основном это были книжные слова с переносным значением. Бодуэн де Куртенэ, проверив ссылки Даля, отверг предположения академика А. Н. Пыпина о том, что Даль якобы включает в свой словарь вымышленные слова. И сам Владимир Иванович отвергает ложные обвинения — «напраслину», возводимую на него, в статье «*Ответ на приговор*», опубликованной на странице LXXXVIII первого тома «Толкового словаря», изданного в 1863–1866 годах.

Иноязычные слова, получившие распространение, Даль включал в Словарь с пометой «чужеслов». Иногда в описании такого слова чувствуется насмешка: «Дангист — французский зубной врач, или рвач, зубодерга». Здесь уместно вспомнить, что было время, когда академики, создающие словари, ставили целью отделить слова, употребляемые в «сообществе благородных людей», от слов простонародья. Даль составлял Словарь по противоположному принципу: язык народа должен выполнять роль источника для развития образованной русской речи. Именно живой народный язык сберегает «в жизненной свежести стройность, силу, ясность, целость и красоту» [DAL' 1998, XIV]. Даль раскрывает реальное содержание слова, ибо знает душу народа, создавшего его: «Русский берет одно, главное понятие и из него выливает целиком слово, короткое и ясное».

Даль применил особый способ построения Словаря — гнездовой, и в этом его отличие от обычных филологических алфавитных словарей. Читать Словарь Даля — величайшее удовольствие для каждого, кто любит русский язык. «Раскрываешь словарь, чтобы найти нужное слово, и погружаешься в дивную, исконно русскую речь», — пишет М. Бессараб, создавшая в своей книге о В. И. Дале яркий образ великого труже-

3 Редакторы словаря Даля: Я. К. Грот — 1-е и 2-е издания. *Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля*. Санкт-Петербург–Москва 1880–1882. Записки Я. К. Грота

4 И. А. Бодуэн де Куртенэ. 3-е и 4-е издания: ДАЛЬ, В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 3-е изд. Под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. Москва 1903–1909; [то же] 4-е изд. 1912–1914.

ника [BESSARAB 1972, 240]. Даль толкует живую, разговорную русскую речь не только лингвистически, но и в совокупности с обычаями того времени и бытом. Многие ли наши современники знают слово *охвостье*? Ныне оно употребляется исключительно в переносном значении, а означает легковесное зерно, которое при веянии не ложится, уносится ветром. Давно забытые слова неожиданно воскресают в наши дни: «*Перекуем мечи на орала*» — политический смысл этой короткой фразы понятен всем.

Даль выступает в защиту местных говоров: они указывают «на происхождение и сродство поколений». Последствия пренебрежительного отношения к этому явлению могут быть серьезными: так «мы отделимся вовсе от народа». А ведь язык народа — это результат огромного исторического опыта, в котором сложилась национальная культура. К великому сожалению, русская речь «испещряется иноземными словами — это вошло уже в обычай, и мы сами погубим последние нравственные силы свои», — говорил Даль.

Выступая в Обществе любителей русской словесности, Даль с увлечением рассказывал о своем Словаре, подверг критике «обрусевший между пишущей братией латино-французско-немецко-английский язык», противопоставляя эту «смесь» настоящему живому народному, исконно русскому языку.

[15]

Естественно, жизнь постоянно обновляется, и появление большого количества новых слов и понятий — процесс закономерный и неизбежный. Но нельзя соглашаться с безответственным употреблением иностранных заимствований. В наши дни вторжение (иначе и не назовешь!) чужеродных слов неумолимо «сушит и губит» народный язык. Руководитель семинара художественного перевода в Литературном институте Г. М. Кружков бьет тревогу: «...происходит вульгаризация русской речи. Все беднее язык, на котором мы говорим... Я даже не имею в виду *далевскую цветистую речь*, а обычный повседневный русский язык образованных людей» [KRUŽKOV 2012, ...*Èkologija*...]. Вывод ученого неутешителен: страдает «*экология языка* и вместе с ней *экология души*».

Как остановить это стихийное бедствие — вопрос далеко не праздный: он связан с существованием еще совсем недавно (*теперь уже — когда-то*) «великой русской цивилизации» — о которой с восхищением писали такие европейские ученые, как А. Тойнби и О. Шпенглер, как бы развивая мысль В. И. Даля: «Россия ушла вперед от своего века, выступила исполинским шагом, усвоила себе сразу то, над чем другие народы бились с веку на век». Защищая русский язык, Даль один создал труд, не имеющий себе равных в истории.

В подвижнической, многотрудной жизни Даля Словарь стал главным его делом. Со времени военных походов количество записанных слов неизмеримо выросло. После кочевой жизни в 1860 году Даль наконец получил квартиру. Точнее, это был принадлежавший известному историку князю Щербатову М. М. Особняк, который подыскивали для Даля его друзья. Жившая в нем старенькая нянюшка сказала Далю, что дом этот «видать, счастливый»: когда в 1812 году горела Москва и «огонь шел стеной» — дом удалось спасти.

Купленный Далем дом действительно оказался счастливым. В суровую зиму 1941 во дворе его упала бомба, но не взорвалась. Подоспевшие саперы обнаружили вместо детонатора [...] *чешско-русский словарь*: чья-то дружеская рука обезвредила смертоносный снаряд. Спасенным оказался дом великого лексикографа.

В этом *счастливом доме* Даль мог уже спокойно разобрать накопленные за 13 лет записи. Чтобы познакомить читателей с народным языком, он создает «Русские сказки». Казак Луганский приобрел невиданный успех: сказки, глубоко национальные по духу, завораживали мелодичностью свежей, живой речи. Однако вскоре сборник сказок был конфискован. Да и какому царскому слуге понравится обличение «нечисти», живущей трудами народа: «...кто взят из грязи да посажен в князи; кто и велик телом, да мал делом; кто с виду орел, да умом тетерев; а которые помышленее, так все плуты: кто кого может, тот того и гложет...» [*Russkije...*, 1832]. Главная мысль сказок — борьба за справедливость, за которую Даля «вознаградили», удостоив ареста и каземата.

Из нескольких десятков сказок неопубликованной оказалась одна: «Сила Калиныч, душа горемычная, или Русский солдат ни в аду, ни в раю» — самая резкая и непримиримая сказка о суворовском солдате, оказавшемся по вине чиновников в бедственном положении.

Пушкин находил в сказках Даля «русское раздолье» языку народа; а совет поэта «*Словарь надобно довести до конца*» определил конечную цель жизни Даля. Следующая их встреча состоялась уже далеко от Петербурга. Пушкин писал «Историю Пугачевского бунта» — Даль был тогда его проводником по Оренбургскому краю.

Даль с благоговением относился к Пушкину, который осуществил мечту автора Словаря: создал на основе народной речи русский литературный язык и русскую литературу — выполнил, по оценке И. С. Тургенева, «две работы, в других странах разделенные целым столетием»: реши задачу громадной национальной и исторической важности.

В 1837 году Даль стал свидетелем всенародного горя... На дуэли с приемным сыном голландского посланника барона Геккерна — Дантесом, приехавшим в Россию из Франции, был смертельно ранен Александр Сергеевич Пушкин — гордость и слава России. Дуэль была спровоци-

рована анонимными письмами самого гнусного характера, обрушившимися на поэта. Он вступился за честь своей жены, зная, что поведение ее было безупречно, и не мог простить Дантесу его наглые ухаживания за ней, ставшие поводом для гнусной клеветы. Дуэль, по мнению многих, «была единственным исходом...».

Даль, стараясь облегчить страдания умирающего, неотлучно находился при нем...

Поэт скончался 29 января 1837 года. За окнами дома несметная толпа народа терпеливо ждала, чтобы отдать последний долг гению русской поэзии. За эти дни в доме Пушкиных перебивало до 50 000 лиц разных сословий. Петербург «напоминал Париж в дни революции»: смерть поэта стала национальной трагедией.

Современному читателю будет интересна книга «Последний год жизни Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники» (Москва 1989), в которой на 700 страницах изложены обстоятельства жизни поэта; отношение царя к убийству, названному им всего лишь «примечательным происшествием»; о похоронах А. С. Пушкина, гроб с телом которого «мчали на почтовых в рогоже и соломе» в село Михайловское. Так сводили счеты с величайшим гением России ее правители...

А через неделю после похорон появилось стихотворение «На смерть поэта». Новый гений России высказал то, что было в каждом русском сердце.

[17]

Даль умел показать и неисчерпаемые духовные силы народа, и совсем незаметного, маленького человека, и скрытую удаль богатыря. Писатель оказался мастером портрета: чувствовалась кисть большого художника. Его очерки — бесценные исторические документы: по определению М. Горького, это «единственный и бесспорный материал», дающий правдивую картину жизни, нравов и обычаев крестьян середины XIX века. Отсюда и постоянные неприятности у Казака Луганского с цензурой. Его автобиографический роман «Вах Сидоров Чайкин» запрещали дважды — когда он был сдан в набор и после выхода в свет: цензор А. В. Никитенко усмотрел «нападки автора на современные гадости» и отзыв этот записал в своем дневнике. Примечателен в романе Даля эпизод, когда некий Василий Иванович, скупив за бесценок в губернии до двухсот «мертвых душ», которые по последней переписи значились еще живыми, заложил их в опекуновом совете и получил 40 тысяч чистой прибыли. Сходство его с гоголевским Павлом Ивановичем Чичиковым разительное! Случай, описанный впервые Далем и услышанный от него Пушкиным, послужил Гоголю сюжетом для создания «Мертвых душ». Экспромт Даля «Подпоручик Киж», записанный Ю. Тыняновым, также стал самостоятельным произведением.

Даль не упускал случая разоблачать чиновников, «отточенным пером преследуя их уловки» (Герцен). После угрозы министра иностранных дел Л. А. Перовского («Выбирай: писать — так не служить, служить — так не писать») [L'VOV 1981, 104; BESSARAB 1972, 154] Даль сжег свои бумаги (богатейший материал пропал для историков России!) и попросил перевести его в провинцию. Но в Нижнем Новгороде — то же, что и в столице, и «одна только гласность, — пишет он, — может исцелить нас от гнусных пороков лжи, обмана и взяточничества и зажимать обиженному рот и доносить, что все благополучно»⁵. Словарь поглощал все свободное время; Далу охотно помогала канцелярия. Одновременно пишет он и рассказы для солдат и матросов. Основной мотив — доблесть, героизм и справедливость русского воина, показанные на живых примерах, с подборкой пословиц и поговорок.

В период предреформенных крестьянских смут Даль прямо говорил: «Крестьяне наши нигде и никакой защиты не найдут». Он, с его рыцарской честностью, не мог примириться с жестокостью и произволом и был верным заступником крестьян, «отстаивал их от обид». Губернатор Нижнего Новгорода А. Н. Муравьев осуждал Даля, своего подчиненного за то, что тот «охранял пользу крестьян»; с нижегородской Удельной конторой Даль расстался «по причине отставки». С 1840 года Даль с семьей жил в столице, совмещая службу в Министерстве иностранных дел с работой над Словарем. Он мог бы сделать блестящую карьеру государственного деятеля, но отказался от нее ради любимого дела: его рассказы и очерки охотно печатают столичные журналы. Московские друзья встретили его с радостью, а новым знакомым он дарит подарки — А. А. Афанасьеву он отдал свои сказки, Гулак-Артемовскому подарил сюжет оперы «Запорожец за Дунаем». Щедрость Даля была безгранична, и люди тянулись к нему.

К 1853 году Даль закончил «Пословицы русского народа» — классический труд, в штывки встреченный академиком и цензурой, единодушно назвавшими этот сборник «вредным». Это был свод народной мудрости, цвет народного ума, житейская народная правда: «Без правды житье — вставши, да за вытье»; «Про харчи ныне молчи»; «Судья суди, а за судьей гляди»... Сборник был запрещен («Худая харя зеркала не любит») [Poslovicy..., 1862]. А между тем слава Даля разнеслась по всей России: его книга, по словам Н. Н. Страхова, стала «одной из самых любимых русским читателем».

Происходящие в России события не обошли Даля стороной: в Севастополе, в войне с Турцией, в 1855 году погиб его друг Павел Степанович Нахимов, командовавший эскадрой; Николай Иванович Пирогов с опас-

5 В «Письме к издателю А. И. Кошелеву», опубликованном в журнале «Русская беседа» (1856, № 3), Даль указал средство преодоления пороков — «гласность».

ностью для жизни оперировал под огнем раненых; Даль опасался и за жизнь сына: Лев ушел добровольцем — художник-баталист писал с натуры защитников Севастополя.

Только в доме Даля, вспоминает его биограф Андрей Печерский, «вело духом мирного успокоения и тишиной. Русская простота [...] составляла особенность этой доброй, радушной семьи». Примечателен такой факт: работу над словарем Даль начал, когда его пятеро детей были маленькими, а закончил, когда у его ног уже играли внуки.

По просьбе редакции «Морского вестника» — одного из лучших журналов того времени, Даль пишет статью «О воспитании», где дает исчерпывающий ответ на вопрос «Что вы хотите сделать из ребенка?». «Правдивого, честного, дельного человека, который бы думал не столько об удобстве и выгодах личности своей, сколько о пользе общей? Будьте же сами такими...» [DAL' 1856, *O vospitanii.*]. В письме к М. П. Погодину Даль выразил мысль о том, что «молодому поколению предстоит сильная борьба за правду». Н. И. Пирогов в статье «Вопросы жизни» («Морской вестник», 1856, № 9) искренне разделял мнение своего друга: «Прав, тысячу раз прав Даль, утверждая важность личного примера наставника для детей. Это вопрос жизни для России». И далее: «Истинное просвещение — это источник мужества и сил для борьбы за правду». И возможно ли, чтобы «правительство начало войну против подрастающего поколения своей страны?» [PIROGOV, *Voprosy...*]. Подлинная цель образования — это подготовка к активной общественной жизни высоко нравственного человека с широким умственным кругозором. Подвергая критике существующую систему образования и воспитания, и Даль, и Пирогов сходятся в одном: все учебные преобразования, ставящие целью развитие серьезного научного образования, на самом деле *скрывают в себе заднюю мысль о сокращении границ образования, игнорируя главное — идеологическое значение воспитания, которое состоит в том, чтобы сделать молодого человека «Человеком. Правдивым. Честным. Для которого правда и свобода важнее всего, у которого есть идеалы, убеждения и принципы»* [PIROGOV, *Voprosy...*]. Здесь не просто высокие слова — в этом смысл жизни человека — и, конечно же, самого Даля. Всюду, где бы ни трудился этот великий человек, «везде он оставил памятные по себе следы», — писала в 1872 году петербургская газета «Голос».

[191]

В советское время Словарь Даля переиздавался огромными тиражами, которые быстро расходились. Десятое издание вышло в 1989 году; к 140-летию Словаря появилось роскошное издание, но досадно, что его

тираж был непростительно мал: ведь Словарем Даля и сегодня пользуются миллионы людей, нуждающихся в разъяснении огромного речевого материала, фразеологических оборотов речи; Словарь Даля совершенно незаменим, когда речь идет о словах областных, о понятиях, связанных с условиями дореволюционного крестьянского быта, о народных верованиях и представлениях, нашедших отражение в лучших произведениях русской классической и современной литературы.

Далю обязаны, пожалуй, все значительные писатели последних полутора веков: из множества синонимов, включенных Далем в Словарь, каждый найдет выразительное слово.

Словарь Даля необходим не только русскому писателю, но и литературным работникам и переводчикам других национальностей. Абдижамил Нурпеисов с восторгом говорит об умении Даля донести до русского читателя тонкости казахской речи, свидетельствующие о его «абсолютном знании» языка этого народа. Давид Кугультинов, калмыцкий поэт, считает, что в каждом отдельном слове труда Даля «воплощен целый мир, многообразный и изменчивый». Отвечая на анкету «Литературной газеты», читатели говорят о Словаре Даля как об огромной ценности» [Literaturnaja..., 2001].

Ведущий научный сотрудник отдела исторической лексикографии Института русского языка РАН М. И. Чернышева, работая над созданием сводного, в 300 тысяч слов, «Словаря русских народных говоров» (издается с 1965 года), называет себя и своих сотрудников *наследниками Даля*. Обратившись к богатейшему языковому наследству Даля, — пишет она, — «никто не уйдет с пустыми руками: ученые находят редкое, а писатели — меткое слово, историк — неизвестный факт, этнограф — описание реалии... Словарь Даля — источник живой воды для русского человека...». (См.: «Литературная газета», 2013, июль, № 28.)

Русский язык, один из 6 официальных языков Организации Объединенных Наций, поистине «фундамент и скрепа» многих национальностей. Свидетельство этому — вышедший в кишиневском издательстве «Vector» «Универсальный иллюстрированный словарь русского языка» [Universal'nyj..., 2011], содержащий в 18 томах 130 тысяч слов, это лексика всех стилистических пластов и литературных жанров. В словарь вошло около 10 тысяч цветных иллюстраций величайших художников мира, рисунки, фотографии, схемы, а также огромное количество фразеологизмов, устойчивых словосочетаний, неологизмов.

Словарь открывает новую коллекцию — «Иллюстрированные словари».

Однако нельзя умолчать о некоторых недостатках современных словарей. Так, в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Bol'soj...,

2012] алфавит содержит не 33, а 31 букву: по неизвестной причине «отсутствуют словники на букву «ё» и букву «й», хотя в «Русском орфографическом словаре» [Russkij..., 2012], вышедшем в том же году и созданном в том же Институте русского языка, зафиксировано 36 слов, начинающихся на «ё», 90 слов, начинающихся на «й», и 4 слова на «ы». Об этом факте писал В. Чумаков, член Межведомственной комиссии по русскому языку, выразив при этом надежду, что ошибка будет исправлена в следующем издании.

И. А. Волгин, профессор МГУ, в своей книге [VOLGIN 2004] толкует в подзаголовке слово *парадокс* по Далю: «мнение странное, на первый взгляд дикое, озадачивающее, противное обществу», — и тут же вопрошает: «да разве наше самосознание не таково?» А вот современный «Словарь русского языка» объясняет *самосознание* как «полное понимание самого себя, своей роли в жизни общества».

Правда, пользоваться Словарем Даля иногда и вовсе «забывают», так что поистине парадоксальным можно назвать сюжет, показанный каналом НТВ на тему «восстановление справедливости»: о том, как писатель Эдуард Успенский с помощью адвоката отстаивал *право собственности* (!) на слово «чебурашка», оказавшееся на вывеске одного магазина. У Даля в словнике на букву «Ч» «*чебурашка*» занимает свое законное место не только в первом издании «Толкового словаря», но и в других, стереотипных, изданиях, вышедших, кстати, задолго до рождения Э. Н. Успенского. Разумеется, между *понятием* и *товарным знаком* «дистанция огромного размера», но все-таки «в начале было слово»... В. И. Даль считал, что все собранные им словесные сокровища *принадлежат создавшему их русскому народу*. По утверждению академика В. В. Виноградова, «как сокровищница меткого и народного слова, Словарь Даля будет спутником не только литератора, филолога, но и всякого образованного человека, интересующегося русским языком».

[211]

В. И. Даль никогда не забывал завет своего отца: «Гордитесь тем, что вы русские». Гордится и Россия своим Великим Гражданином: бессмертен Далеv «Толковый словарь», бессмертно имя его создателя.

Библиография:

- BELINSKIJ, V. G. (1976–1982): *Stat'ji, recenzii i zametki. Sentjabr' 1845 — mart 1848. Sobr. soč. v 9 t. Moskva. S. 514.*
 BESSARAB, M. (1972): *Vladimir Dal'. Moskva. S. 235.*
Bol'soj orfoepičeskij slovar' russkogo jazyka. (2012) Moskva.

- DAL', V. I. (1856): *O vospitanii*. Morskoj sbornik. Sankt-Peterburg. Maj, № 7.
- DAL', V. I. (1998): *Naputnoje slovo*. V: Tolkovyj slovar' živogo velikoruskogo jazyka v 4 t. Moskva. T. 1. S. XVIII.
- GOGOL', N. V. (1953): «O „Sovremennike“». Sobr. soč. v 6 t. Moskva. T. 6. S. 190, 191.
- KRUŽKOV, G. (2012): ...*Ěkologija jazyka stradajet*. Literaturnaja gazeta. Moskva. 28 nojabrja — 4 dekabrja, № 48 (6394).
Literaturnaja gazeta. (2001) 21–17 nojabrja, № 47 (5857).
- L'VOV, V. (1981): *Slovoprochodec. K vychodu novogo izdanija «Tolkovogo slovarja» Vladimira Dalja*. Junost'. № 10. S. 104.
- PIROGOV, N. I. *Voprosy žizni*. Morskoj sbornik. Sankt-Peterburg. Maj, № 7.
Poslovicy russkogo naroda. (1862) V: Sbornik V. Dalja. Moskva.
Russkij orfografičeskij slovar'. (2012) Moskva.
Russkije skazki Kazaka Vladimira Luganskogo. (1832) Sankt-Peterburg.
Universal'nyj illjustrirovannyj slovar' russkogo jazyka. (2011) V. N. Gynga. V 18 t. Kišinev.
- VOLGIN, I. L. (2004): *Vozvraščeniye bileta. Paradoksy nacional'nogo soznaniya*. Moskva.